

Бернард Шоу любил писать письма. И письма его были прекрасны. В них отразились его многообразные связи, в них запечатлела себя эпоха.

Когда за год до смерти дальновидные издатели предложили Шоу опубликовать собрание его писем, он ответил: «Выбросьте это из головы. Их миллиарды, моих писем, и каждый день я прибавляю к ним новые». Однако в прошлом году в Англии вышел первый том писем, объемом более 800 страниц, охватывающий двадцать три года жизни Шоу — с 1874 по 1897 год. Готовятся к печати еще три тома.

Мы предлагаем вниманию читателей несколько писем Бернарда Шоу к американской актрисе Молли Томпкинс из книги «К молодой актрисе», изданной тоже в Лондоне.

Летом 1921 года совсем еще молоденькая, начинающая актриса Молли Томпкинс со своим мужем, скульптором Лоренсом, и с двухлетним сыном Питером приехала в Лондон специально для того, чтобы встретиться с Бернардом Шоу. Шоу было в ту пору уже 65 лет. Переписка длилась до 1949 года; сохранилось 125 писем и открыток Шоу к Молли Томпкинс.

Письма написаны в обычной для Шоу иронической, парадоксальной манере. Кажется, для него нет ничего серьезного, ничего святого — он может высмеять всех и вся! Как в жизни, так и в творчестве, смех, шутовство, клоунада служили Шоу, чтобы бросить своего рода вызов трудностям и страданиям.

В нескольких письмах Шоу говорит о Советском Союзе. Первые упоминания относятся к двадцатым годам. В тридцатые годы, вернувшись из своей поездки в Советский Союз, Шоу делится с Молли Томпкинс впечатлениями.

А. ОБРАЗЦОВА.

27 декабря 1921 г.

АИОТ, СЕНТ-ЛОРЕНС, ХАРТФОРДШИР.

Моя дорогая Моллитомпкинс.

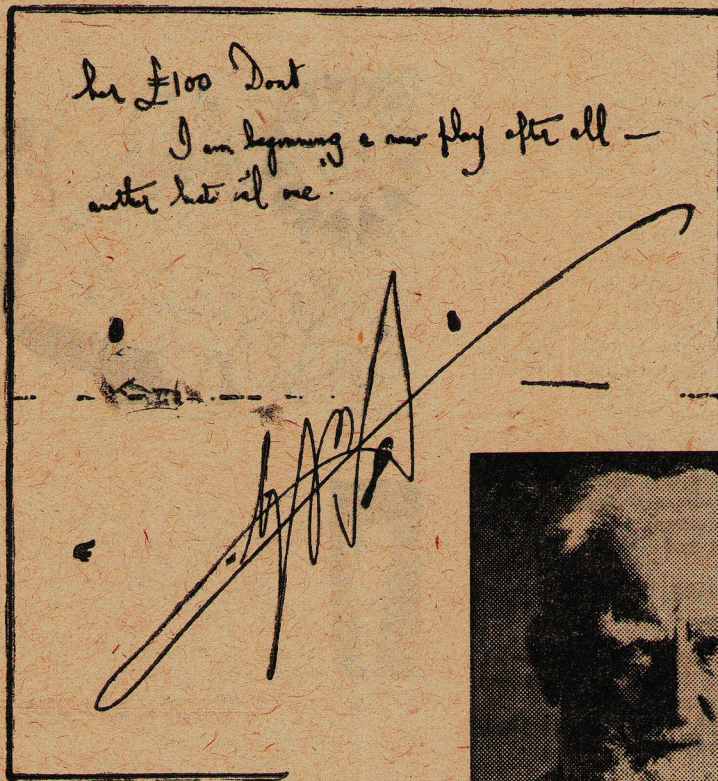
Что Вы за бесстыдная лгуныя — притворяетесь, будто читали все мои книги, хотя в действительности не прочли ни одной. В юности я тоже очень огорчался, что работа моя не совершенна. Сравнивал собственные первые шаги с последними шагами других и, естественно, страдал, наблюдая печальную разницу. Было ясно, что я не выполняю заповеди: «Будьте непогрешимы, как непогрешим отец ваш небесный». Теперь я понимаю, что даже он не совершенен.

Так вот, я сделал из себя профессионала пятилетним рабским трудом, сочиняя плохие романы; и в последнем из них описывал разочарование героини, обнаружившей, что она далека от совершенства и что герой решительно не желает вести себя по-геройски. Я хотел помочь людям перебраться через бездну отчаяния, которая едва не затянула меня. И если бы Вы прочли эту книгу, Вы не были бы такой глупенькой Моллитомпкинс и не изобрели бы всей этой чепухи насчет совершенства и насчет того, что мне нужны «безукоризненные актрисы». Я вовсе не стремлюсь к несбыточному и рад, когда мне удастся высечь хоть маленькую искорку из звезд, с услугами которых вынужден мириться.

Хочу сказать Вам кое-что о Вашем выступлении. Не думаю, чтобы Вам было чему учиться в обыкновенной школе. Но надо будет усвоить английский алфавит в «Академии драматического искусства» на Гауэр-стрит. Ваши «р» звучат пока довольно странно на лондонское ухо, и еще два-три звука надо бы подправить. Только смотрите не наберитесь светского жаргона — это малограмотная речь; Вам нужно лишь избавиться от нескольких провинциализмов. Ну да об этом позаботится Ваш валлиец-учитель; здешний университетский колледж, слава богу, не Оксфорд!

В остальном же все, что Вам нужно, это работа, вернее, упорная тренировка, чтобы укрепить мускулатуру и приобрести ту профессиональную твердость руки, которая приходит, когда десять лет подряд каждый божий день делаешь одно и то же одним и тем же образом. Без того, даже знай Вы, что и как должно быть сделано, и понимай роль в тысячу раз глубже, чем рядовая театральная поденщица, она все равно донесет роль до публики лучше вас.

Не знаю, интересуетесь ли Вы музыкой. Если нет, тогда Вы и не знаете Моцарта; а если не знаете Моцарта, то не поймете моих соображений о технике. Но если Вы музыкантша, то, наверное, сами замечали: насколько бы лучше и проникновеннее сам композитор ни исполнял свои вещи, в концертном зале он никогда не произведет такого впечатления, как профессиональный пианист, потому что у него в пальцах нет стали. Вот и Вы должны добиться, чтобы у Вас была сталь в мышцах лица и сталь в сердце, и для этого Вам надо бить и бить в одну точку ежедневно (или еженощно), пока Вы не сможете донести роль до молодого человека в самом последнем ряду галереи самого большого зрительного зала. И не думайте, что сегодня Вы достаете только до трех передних рядов пар-

Бернард ШОУ.

тера, а с течением времени будете тянуться ряд за рядом все дальше и так доберетесь до задней стены. Дело вовсе не в этом. Дотянуться до этого молодого человека Вы можете и сегодня, как можете дотянуться до дирижера. Но Вы не способны овладеть его вниманием и держать в своей власти, заставляя забыть неудобства дешевого места.

Если вы пройдете курс «Академии», то легко получите золотую медаль. Я выяснил, что Вы в самом деле хороши собой. Раньше я не мог утверждать этого с уверенностью, потому что Вы тщеславны, как молодой щегленок, раскрашиваете себе лицо и губы и на улице самым скандальным образом выставляете себя напоказ как красавицу. На меня помады и румяна не оказывают желаемого действия — что бы Вы подумали обо мне, если бы встретили меня на Стронде с накрашенными губами? Но стройность и грацию в тех костюмах, что Вы носили в спектакле, подделать было нельзя, и я убедился, что Вы обладаете обоими этими достоинствами.

У меня не было времени ответить Вам сразу; у меня нет времени и сейчас; но Вы немного смягчили мое каменное сердце, и теперь, вероятно, я ничего не смогу с этим поделать — придется мне время от времени Вами интересоваться. Только, если Вы правды меня любите, не требуйте, чтобы я отвечал на Ваши письма чаще, чем раз в столетие. Дело в том, что писание — моя профессия, и к исходу рабочего дня я остаюсь совершенно исписанным и готовый скорее умереть, чем сложить еще хоть одну фразу.

Передайте мое почтение бедному Томпкинсу, ну и пошушукайтесь с ним на плечи.

Ваш
Дж. Бернард Шоу.

Моя секретарша переслала мне Ваше

письмо без адреса, поэтому адресую конверт на Гауэр-стрит. Пожалуйста, пришлите мне открытку с Вашим адресом сюда, в деревню.

Собака сгрызла мое вечное перо; а этим я писать не могу.

10 июня 1924 г.

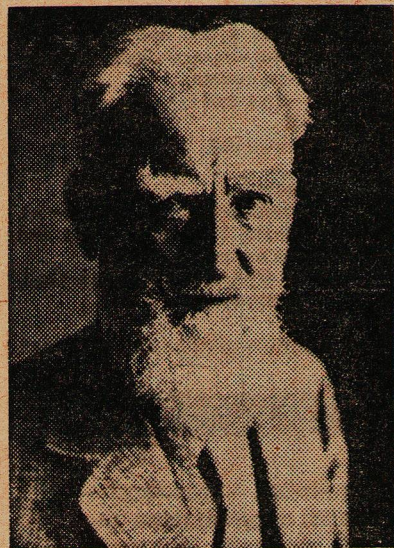
АИОТ, СЕНТ-ЛОРЕНС, ХАРТФОРДШИР.

Моя дорогая Моллитомпкинс, Вы совершенно правы: мои письма получились бы гораздо интереснее, будь они целиком обо мне самом, вместо того чтобы представлять собой краткие инструкции Вам, предназначенные для ограждения Вас от неприятностей; Вы — восхитительная корреспондентка, а я надоедлив и полезен. Но я как-нибудь покажу Вам мои автобиографические письма, если раздобуду их копии для готовящегося собрания моих произведений. Писать о себе самом сейчас все равно что рыть туннель в Австралию; Вы не представляете себе, о чем просите. Ввиду этого должен ограничиться сообщением, что мою собаку зовут Даниэль, маркиз Силигем-

как я начал это письмо; и пройдет целых 36, прежде чем я его кончу, то есть 48, я хотел сказать, — если его не оборвать как есть...

Почему бедного старого домоседа, с утра до ночи корпящего над своей работой и (что еще труднее) над своими обреченными на провал делами, считают Дон-Жуаном, это одному лишь богу известно.

Кстати, о Дон-Жуане, почему, скажите на милость, Вам не почитать Байрона, вместо того чтобы читать книги о нем? Много ли Вы узнали бы обо мне, если бы читали, что пишут обо мне люди, а не обратились бы к оригиналу? Помните, в детстве я читал «Корсара», «Гаура» и все остальное. Сейчас, наверное, не смог бы, но тогда в них было для меня свое очарование. Года три назад я перечитал «Дон-Жуана» и вполне могу его порекомендовать. Собственно, я думаю, что Вы должны прочитать с начала и до конца все поэмы — хотя бы с образовательной целью; кроме «Чайльд Гарольда», в него надо просто заглядывать, так как это книга путешествий. Много позже, уже без малого два-

ский, и что погода все еще не установилась.

Об Уимблдоне не может быть и речи; я прочно сижу здесь с работой; да и моя попугайша не любит оставаться в нашей домашней клетке одна по вечерам. К тому же теперь, когда Вы учитесь, я должен реже наблюдать Вас за работой. У меня слишком профессиональный взгляд, чтобы смотреть на Вас по-человечески, когда Вы на сцене. А после спектакля сидеть в экстазе у дверей уборной с букетом в руке — это дело молодых.

Ну, не восхитительно ли быть влюбленным? Готов позировать Вам, сколько Вашей душевке угодно. Описание найдете в «Доме, где разбиваются сердца», — насколько это вообще может быть описано. Со мной это случилось дважды. Длится это недолго, ибо не принадлежит миру сему, а когда заключаешь идола в объятия, он оказывается обыкновенной тряпичной куклой вроде Вас; ведь неземное ускользает, если протянуть к нему руки. Впрочем, писать об этом невозможно; все, что можно сказать, будет неправдой. Кроме того, существует Соломонова «Песнь Песней», которая по сей день безусловно — лучшая любовная поэма среди всего когда-либо написанного. Когда она приходится впору для мужчины, это значит, что он любит. Когда ему впору «Эпипсихидион» Шелли, значит, он воображает, будто любит, а сам не имеет о реальной любви никакого понятия. Интересно, существуют ли стихи, которые приходится впору любящей женщине? Вы не знаете?

Но, право, миссис Томпкинс, едва ли это подходящий предмет...

Прошло ровно 24 часа с тех пор,

дцати лет, я увлекся Шелли; с головой нырнул в него и прочитал все, что только было им написано. Это было нечто вроде литературной влюбленности: царство Шелли было для меня не от мира сего. Если Вы в самом деле влюблены, это не вызовет у Вас зевоту; но как бы там ни было, я должен кончать.

Когда я сообщаю Вам о своих предстоящих отъездах, то вовсе не для того, чтобы оградиться от Ваших визитов, бесстыдная Вы лгуныя! Как вам не стыдно? Нет, честное благородное слово, такие подозрения спокойно можете выкинуть из головы: Вы переоцениваете мою деликатность, а также трусость. Когда мне надо будет, я Вам такие вещи выскажу прямо и недвусмысленно.

Ну вот, обеденный гонг. Прощайте — пока что.

19 февраля 1931 г.

ЛОНДОН.

Моя дорогая Молли...

Я позволю себе набросать несколько общих мыслей на Ваше рассматривание. Никто не может сделать из Питера* человека. Он должен сделать из себя человека сам: Вы и мистер Б.** можете только предоставить ему такую возможность. Я пришел к заключению, что Б. и Хейлзмир дадут ему для этого больше, чем Вы и Рим. Вы знаете, что я враг школьной системы; мне даже, можно считать, принадлежит открытие того вопиющего обстоятельства, что школы — это тюрьмы, куда ваточают детей, чтобы они не беспо-

* Сын Молли Томпкинс Питер учился в школе в Хейлзмуре.

** Директор школы мистер Н. Браунринг.